

Ю. С. Ползунова
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

«Тень птицы» И. А. Бунина как паломническое путешествие¹

Цикл очерков «Тень птицы», относящийся к «восточным» травелогам И. А. Бунина, написан в 1907–1911 гг. в результате поездки писателя на Ближний Восток. Произведение представляет собой цикл, состоящий из 11 путевых очерков. Повествование ведется от лица героя-повествователя, сознание которого предельно близко биографическому автору.

В своем исследовании, посвященном «восточным» травелогам И. А. Бунина, К. В. Анисимов справедливо отмечает, что «травелоговая ситуация не являлась ни частным моментом жанровой системы, ни эпизодом в писательской биографии, а к концу жизни она трактовалась автором “Тени птицы” весьма широко, экспансивно подчиняя себе и литературную деятельность, и жизнестроительные принципы» [Анисимов, с. 467]. Тема путешествия проходит через все творчество автора, и «Тень птицы» — это одно из первых произведений, где она является центральным и сюжетообразующим элементом повествования. Впоследствии травелоговая ситуация становится одной из главных категорий художественного мира писателя, что проявилось в его финальном романе «Жизнь Арсеньева».

В дневниковых записях Бунина, выдержки из которых в своей книге опубликовал друг писателя К. И. Зайцев, мы находим заметку о том, что во время написания «Тени птицы» Буниным овладела «тяга к странствиям», которая плодотворно

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

отразилась на творчестве художника: «С 1907 года жизнь со мной делит В. Н. Муромцева. С этой поры жажда странствовать и работать овладела мною с особенной силой. За последние восемь лет (заметка написана в 1915 г.) я написал две трети всего изданного мною» (цит. по: [Зайцев, с. 62–63]). Исследователь К. В. Анисимов также отмечает еще один факт биографии Бунина: «главные путешествия и в целом становление зрелой прозы писателя проходили буквально под аккомпанемент смертей. В 1905 г. умер единственный сын Бунина Коля, в 1906 г. — отец, в начале февраля 1908 г. саркома кишечника была диагностирована у сестры Марии, в середине июля 1910 г. умерла мать. Смерть Толстого, последовавшая осенью 1910 г., была расценена как личная потеря. Переживания от этих утрат и первые данные о публикации “путевых поэм” соседствуют порой на страницах одних и тех же документов» [Анисимов, с. 468]. Можно предположить, что все эти события послужили особым поводом к размышлению о смерти и отразились в творчестве писателя.

Следует отметить, что в травелогах описаны лишь восточные поездки писателя, хотя известно, что Бунин еще до революции много путешествовал по Европе. Ближний Восток, страны Средиземноморья — это «край прошедших свой цикл и окаменевших цивилизаций», центры мировых религий. Отсюда закономерно вытекает идея о том, что путевые очерки «Тень птицы» представляют собой художественное повествование о паломничестве, которое, с одной стороны, безусловно, является путешествием к древним христианским святыням (поскольку большая часть очерков посвящена землям, связанным с жизнью Христа) и местам погибших цивилизаций. С другой стороны, любое паломничество представляет собой не только реальное путешествие, но и духовный путь. В случае с произведением «Тень птицы», путешествие на Восток — это путь преодоления смерти, освобождения от гнета времени и утверждения жизни. Об этом справедливо написал К. И. Зайцев, говоря о первоначальных замыслах писателя: «Это не просто разыгравшаяся страсть туриста, не просто жажда увидеть новые места и насладиться ими, — это подлинное паломничество. Не случайно Бунин объединил очерки этих путешествий общим заголовком: “Храм солнца”. Эти очерки представляют действительно пламенное,

вдохновенное славословие Солнцу как подателю жизни и света. Это паломничество, однако, не просто бегство от России — это и бегство от русского Бога, от родины своей, как родины русского православного Бога — бегство на родину других Богов — или вернее сказать на родины какого-то иного Бога, единого и вездесущего, но Бога не смерти, а жизни» [Зайцев, с. 84].

Парадоксально, что идея торжества жизни рождается посреди «всех некрополей и кладбищ мира». Первоначально Бунин задумывал назвать цикл очерков «Поля мертвых». Тем не менее, идея утверждения жизни является связующим началом в цикле «Тень птицы». Как правило, эта идея воплощается в образе солнца и света, который является лейтмотивом произведения: «Да, “свет и во тьме светит”. Вот закатилось солнце, но и во тьме только солнцем живет и дышит сущее. Это оно вращает винт парохода, оно несет навстречу мне море; оно, неиссякаемый родник всех сил, льющихся на землю, правит и непостижимым для моего разума стремлением своего необъятного царства в бесконечность... <...> И над всем этим морем, видевшим на берегах своих все служения богу, всегда имевшие в основе своей служение только Солнцу, стоит голубой дым: дым каждения ему» [Бунин, с. 340]. Идея торжества жизни также отразилась и в эпизодах, связанными с танцами, например, в завершении очерка «Тень птицы» описан ритуальный танец дервишей.

По мнению исследователя русской литературы путешествий В.М. Гуминского, Бунин развивает древнерусскую традицию повествований о паломничестве (к ней относится жанр хождений). Чтобы выявить сходства жанровой специфики цикла очерков «Тень птицы» с древнерусским хождением, мы обратились к работе В.М. Гуминского «Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте». Одной из ярких особенностей древнерусской литературы путешествий, по мнению автора, является аксиологичность географии: «Земли делились на праведные и грешные... <...> ад и рай можно было посетить в результате передвижения в географическом пространстве. Ад для древнерусского человека мыслился расположенным “на дышащем море”, т. е. в Ледовитом океане, а рай “на востоке в Эдеме» [Гуминский, с. 69]. Это обусловило особую организацию художественного мира хождения. В травелогe Бунина мы не найдем подобного буквального разделения стран

и земель, но отголоски этой оппозиции частично отразились в названиях очерков, например, «Шеол», что в иудаизме значит 'преисподняя, ад'. Повествователь связывает образ преисподней с прибрежной территорией между древними финикийскими городами Тир и Сидон. Райский топос также присутствует в произведении: «Близилась места Эдема, Баальбек. <...> Край баснословных племен, родина Адама, святилище Солнца!» [Бунин, с. 399]; «Следует ли, говорят некоторые, искать на Ливане отдельных мест, связанных преданием с Эдемом? Не Эдем ли весь Ливан? Ведь, кроме Гермиля, есть и было еще несколько селений, носящих это имя...» [Там же, с. 400]. Кроме того, еще один травелог Бунина «Воды многие» (1926), описывающий морское путешествие на Цейлон, также обращен к идее поиска рая, потому что, согласно легендам, именно на Цейлоне предполагался вход в рай.

Аксиологическое разделение земель на праведные и грешные можно наблюдать и в развитии библейского (символического) сюжета в произведении. Например, в очерках «Пустыня дьявола» и «Страна содомская» места, которые посещает герой, в его сознании неразрывно связаны с эпизодом из Нового Завета об искушении Христа дьяволом в пустыне и с историей из Ветхого Завета об уничтожении небесным огнем пяти городов (Содом, Гоморра, Адма, Севоим и Сигор) за разврат их жителей. Эти очерки выделяются среди других особой трагической тональностью, они все объединены образом смерти, что можно соотнести с образом грешных земель в сознании древнерусского человека. Говоря об отличительных особенностях русской средневековой литературы путешествий, В.М. Гуминский пишет: «необходимо учитывать символический характер средневековой географии, ведь “она должна была указывать ... путь к спасению души”» [Гуминский, с. 69]. Для героя-повествователя в бунинском цикле земли, описанные в очерках «Пустыня дьявола» и «Страна содомская», становятся символом дьявольского искушения и гибели души. В одном из фрагментов описано болезненное впечатление, которое производит на героя пребывание в этих местах: «Много раз я пытался заснуть, входил в дом, в свою темную, горячую комнату, ложился под душный кисейный балдахин, но и здесь эти ароматы, эти скользящие искры, этот дрожащий хрустальный бред, которым околдован

весь мир» [Бунин, с. 391] — и в конце фразы: «Отойди от меня, Сатана» произносится героем не как цитата, а как его собственная реплика, т.к. он, подобно Христу, ощутил дьявольское искушение этих мест. Так, идея разделения земель на праведные и грешные не реализуется в травелоге Бунина буквально, но получает новую «модернистскую» трактовку и воплощается на более высоком уровне повествования — на уровне сознания повествователя, который воссоздает и одновременно «проживает» события, описанные в Библии.

Таким образом, Бунин в «восточных» травелогах развивает традицию древнерусского хождения, но не формально заимствуя отдельные элементы, а реализуя ее в организации художественного мира произведения как целом.

Список литературы

Анисимов К.В. «Итинерарий жизни». Восточные травелоги И.А. Бунина: специфика авторского сознания и нарратива // Россия — Италия — Германия: литература путешествий : коллектив. моногр. Томск : Томск. гос. ун-т, 2013. С. 466–484.

Бунин И.А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 3 : Повести и рассказы. 1907–1911. М. : Худож. лит., 1965. 502 с.

Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М. : ИМЛИ РАН, 2017. 605 с.

Зайцев К. Иван Бунин: жизнь и творчество. Берлин : Парабола, 1934. 267 с.